

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ
ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВСКІИ
ИВАНЪ БЪЛЯЕВЪ
БОРИСЪ ПРАВДИНЪ

VIA SACRA

VIA SACRA

АЛЬМАНАХЪ

ИГОРЬ-СЪВЕРЯНИНЪ
ВЛАДИМИРЪ АДАМСЪ-
АЛЕКСАНДРОВСКІЙ
ИВАНЪ БЪЛЯЕВЪ
БОРИСЪ ПРАВДИНЪ

41873

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАДИМЪ БЕРГМАНЪ
ЮРЬЕВЪ-TARTU (ЭСТОНІЯ) 1922

Обложка работы художника Ахась.

2.1. 4
28271
21985055

Типографія Эд. Бергмань, Юрьевъ.

Игорь-Съверянинъ

Плимутрокъ.

Комедія - сатира въ одномъ актѣ.

Такъ называемые люди :

Княгиня Тупицына.

Графъ Буланцовъ-Феклушковъ.

Камеръ-юнкеръ Цезарь-Городовой.

Дворянинъ Гималая. Адвокатъ.

Баронъ Голубковъ.

Баронесса Голубкова. Его жена.

Радомиловичъ. Бывшій губернаторъ.

Блестящеглазка. Человѣкъ.

Дѣйствіе.

Терраса. Горы. Рѣка.

Княгиня Тупицына и Цезарь-Городовой
(ходятъ и бесѣдуютъ).

- Кн. Тупицына.* Она — громадная оригиналка:
Когда вчера я встрѣтила ее,
Въ ея рукѣ была большая палка,
Какъ будто пика, хлысть или копье.
- Ц.-Городовой.* Быть можетъ, это — удочка?
- Кн. Тупицына.* Ахъ, что Вы!
На уточку похожъ ли длинный хлысть?
Вы надо мной шутить уже готовы...
- Ц.-Городовой.* Но Вы меня не поняли. Я чистъ
Предъ Вами, — говорилъ я не про утку,
А удочку для уловленья рыбъ.
- Кн. Тупицына.* Послушайте, оставьте Вашу шутку,
(наклоняется черезъ перила)
А вотъ и утка кстати. Ципъ-ципъ-ципъ!
Скажите прямо, что это за палка,
Мнѣ странная, но ясная для Васъ.
- Ц.-Городовой.* На это палку ловятъ рыбу.
- Кн. Тупицына.* Жалко,
Что я не знала этого въ тотъ разъ:
Мнѣ было бы взглянуть весьма занятно,
Какъ палкой бьютъ по рыбьей головѣ!
Но этимъ рыбамъ больно, вѣроятно?
Вѣдь, это-же — убійство, vous savez!
- Ц.-Городовой.* Помилуйте, на удочку ихъ ловятъ
Совсѣмъ не такъ, — по головѣ не бьютъ.
- Кн. Тупицына.* Возможно, я не знаю. Кстати, тутъ
Кѣфаль, не правда-ль, хорошо готовятъ?

Ц.-Городовой. Великолѣпно. Я, какъ рыболовъ
Искусный, самъ ходилъ за окуньками, —
Пріятно послѣ клуба и баловъ . . .

Кн. Тупицына. Что Вы сказали? какъ? за огоньками?
Ц.-Городовой. О, нѣтъ, за окунями. Это — сортъ
Распространенный рыбы. Я рекордъ
Побилъ на этой ловлѣ.

Кн. Тупицына. Не слыхала.
Я знаю стерлядь, осетрину и
Зернистую икру. И всѣ они
Мнѣ нравятся. Теперь послѣдней мало.
Вы говорите — рыбную игру
Вы любите? Я сяду на качалку, (садится)
А Вы поймайте мнѣ на Вашу палку
Громадную зернистую икру.

Ц.-Городовой. Икра не рыба . . .
Кн. Тупицына. Курица — не птица,
И женщина, — почти не человѣкъ? . . .
Ха-ха-ха-ха!

(Уходятъ.)

Баронесса Голубкова и графъ Буланцовъ-Өеклушковъ
(входятъ и бесѣдуютъ).

Б.-Өеклушковъ. . . . Такъ онъ рифмуетъ „снѣгъ“
И „брегъ“. Ну, кто-же съ нимъ сравнится
По мастерству и звучности стиха?
А модернисты — это чепуха.
Да, Надсонъ — это цѣлая эпоха.
Недаромъ самъ „Литературный Фондъ“ —
Его издатель.

Б-сса Голубкова. Ну, а какъ Бальмонтъ?
Какъ пишетъ онъ — пріятно или плохо?

Б.-Өеклушковъ. Бальмонтъ . . . Бальмонтъ . . . Слыхалъ какъ будто я
Фамилію Бальмонтъ. Звучить знакомо.
А что, и онъ поэтъ?

Б-сса Голубкова. Да, есть два тома
Его стиховъ у брата. Не тая
Грѣха, скажу: не открывала книги,
Фамилію-жъ прочла на корешкѣ.

Б.-Өеклушковъ. Ну, Богъ съ нимъ. Вѣроятно, онъ — *toqué*.
Все это — чушь. А знаете — визиги
Теперь почти нигдѣ достать нельзя . . .

Б-сса Голубкова. Да что Вы, неужели? Это ужасъ!
Когда-жъ, когда-жъ Европа, разоружась,
Какъ прежде, заживетъ? . . .

(Уходятъ.)

Баронъ Голубковъ и адвокатъ Гималая
(входятъ и разговариваютъ).

Гималая. . . . Ея друзья,

Какъ и сама она, дурного тона:
Какіе-то художники. У нихъ
Понятій о приличьяхъ никакихъ.
Мнѣ говорила тетушка патрона,
Что у нея на виллѣ дикій столъ,
И въ кушаньяхъ полнѣйшій произволь:
Такъ, на примѣръ, ѣдятъ они . . . крошку!

Бар. Голубковъ. А что это такое — ок-рош-ка!

Гималая. Какъ это Вамъ сказать? Окрѣшка — это крошка
Яиць крутыхъ и мяса. Молока, —
Не молока, а вродѣ, — да, сметаны
Вливаютъ эти готтентоты . . . въ квась!
И „кушанье“ готово.

Бар. Голубковъ. Если Васъ
Я понялъ, это — супъ для . . . обезьяны
Какой-нибудь.

Гималая. Зачѣмъ издалека
Намъ подходитъ къ подобному вопросу?
Скажите прямо: супъ для мужика.

Бар. Голубковъ. Для русскаго . . . хотите папиросу?

Буланцовъ-Өеклушковъ (подходитъ).

Б.-Өеклушковъ. Быть можетъ разрѣшите взять и мнѣ?
Я портсигаръ забылъ, къ несчастью, дома.

Бар. Голубковъ. Пожалуйста. О, это мнѣ знакомо...
Б.-Өеклушковъ. Что именно?
Бар Голубковъ. Сочувствую вполнѣ
 Разсѣянности Вашей, говорю я.
Гималая. А я, признаться, въ случаяхъ такихъ
 О памяти нисколько не горюя,
 Вознагражу себя за счетъ другихъ.
 Не странно-ли, чужія папиросы
 Мнѣ кажутся всегда вкуснѣй моихъ?
 (Уходить.)

Бар. Голубковъ. Онъ такъ любезень...
Б.-Өеклушковъ. Этихъ горъ откосы
 Напоминаютъ мнѣ родной Кавказъ.

Бар. Голубковъ. Помилуйте, но чѣмъ-же? здѣсь природа,
 Мнѣ кажется, иная, и порода
 Слоевъ совсѣмъ не та.

Б.-Өеклушковъ. Но высь, какъ разъ,
 Такая-же, и тоже есть вершины.
 Но, впрочемъ, на Кавказѣ года два
 Я не былъ и забылъ его. Трава
 Тамъ тоже есть. Трава и апельсины.

Бар. Голубковъ. Имѣете въ виду Вы Эривань?
Б.-Өеклушковъ. Нѣтъ, Кисловодскъ.

Бар. Голубковъ. Но, графъ, плоды — южнѣе.
Б.-Өеклушковъ. Они вездѣ. Тамъ женщины нѣжные,
 Чѣмъ здѣсь. Онѣ танцуютъ pas d'Espragne,
 Кавказскій танецъ... Шашлыки въ духанахъ
 Волшебные. О, что за шашлыки!
 Мужчины носятъ бурки, башлыки...

Бар. Голубковъ. (Барану впору грезить о баранахъ...
 Какой неподражаемый дуракъ!)

Б.-Өеклушковъ. А не сыграть-ли намъ, баронъ, въ трикъ-тракъ?
Бар. Голубковъ. Я, къ сожалѣнью, вовсе не играю.
Б.-Өеклушковъ. Напрасно. Это путь къ земному раю.
 Хе-хе-хе-хе! Вотъ я какой острякъ!
 (Уходятъ.)

Княгиня Тупицына и баронесса Голубкова
(входят и разговаривают)

Кн. Тупицына. А гдѣ-же Ваши гости?

Б-сса Голубкова. Англичане?

Они уже уѣхали, увы.
Княгиня, понимаете-ли Вы,
Какъ мнѣ обидно это? Въ океанѣ
Четвертый день качаются въ волнахъ.

Кн. Тупицына. Вы такъ ихъ сожалѣете? да?

Б-сса Голубкова. Ахъ,
Возможно ли ихъ не жалѣть, — вѣдь, мистеръ
Трэнъ-Милькъ-Гуадъ былъ такъ любезенъ: онъ
Мнѣ подарилъ пять дюжинъ панталонъ,
И безо всякой, вѣрите-ль, корысти?...

Кн. Тупицына. А какъ-же Вашъ супругъ? Онъ разрѣшилъ
Принять отъ англичанина подарокъ?

Б-сса Голубкова. Что за вопросъ! Мой мужъ — ужасно милъ.

Кн. Тупицына. О, я не сомнѣваюсь въ этомъ...

Б-сса Голубкова. Ярокъ
Былъ даръ другого гостя: мнѣ бюваръ
Онъ преподнесъ изъ черепашьей кожи.
Раскрыла я его, смотрю, — и что-же!
Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ! Свой даръ,
Не правда-ли, лордъ Каунгей по царски
Обставилъ?

Кн. Тупицына. О, счастливица! Но все-жъ
Мнѣ странно, что Вашъ мужъ былъ такъ... хорошъ
Съ гостями. Я ждала иной развязки.

Б-сса Голубкова. Развязки моихъ связокъ, ха-ха-ха?
Но Вы не позабудьте, о my little,
Дороговизну и мой вкусъ, и титуль?
Всѣ туалеты стали, какъ труха.
А новые барону не по средствамъ.

Кн. Тупицына. И потому?

Б-сса Голубкова. И потому, посредствомъ
Пустячныхъ компромиссовъ, я въ мѣха
И бархатъ разодѣта... безъ антракта!
У мужа моего такъ много такта,
Не правда-ли?

Кн. Тупицына (всторону). О, больше, чѣмъ у Васъ!
Противная! Вотъ ей дарятъ при мужѣ
Бѣлье и стерлинги. Мои голландцы хуже:
Конфекты и азалий восемь вазъ.
Да, мнѣ — фунты конфектъ, а ей изъ банка
Фунты фунтовъ бумажныхъ. Интриганка!

Буланцовъ-Өеклушковъ, Цезарь-Городовой, Гималая, Голубковъ
(постепенно входятъ парами, тихо между собою разговаривая).

Радомиловичъ (быстро входя).
Княгиня! графъ! баронъ и баронесса!
И камеръ-юнкеръ здѣсь! и адвокатъ!
Обрадованъ вамъ искренно повѣса!
Ну, какъ я радъ васъ видѣть! какъ я радъ!

Б-сса Голубкова. Откуда Вы?
Б.-Өеклушковъ. Съ луны свалился, что-ли?
Кн. Тупицына. Вотъ такъ сюрпризъ!
Бар. Голубковъ. Дѣйствительно, сюрпризъ.
Ц.-Городовой. Онъ живъ! онъ живъ!
Гималая. Смотрите, онъ — на волѣ!
Радомиловичъ. Какъ видите, не сгнилъ и не прокисъ.
Кн. Тупицына. Все тотъ-же франтъ.
Б-сса Голубкова. Все тотъ-же остроумецъ.
Ц.-Городовой. Все тотъ-же charme.
Б.-Өеклутковъ. Все тотъ-же идиотъ.
Бар. Голубковъ. Все тотъ-же интересный вольнодумецъ.
Радомиловичъ. Все тотъ-же я, вы правы! я все тотъ!
Кн. Тупицына. Откуда Вы?
Б-сса Голубкова. Не мучьте насъ — откуда?
Ц.-Городовой. Вѣдь онъ въ Россіи былъ!
Б.-Өеклушковъ. Откуда-жъ Вы?
Гималая. Вотъ это — положительное чудо.
Кн. Тупицына. Пропаль...
Б-сса Голубкова. Исчезъ...
Ц.-Городовой. И вдругъ...
Радомиловичъ. Я — изъ Москвы!

Гималая. (Съ ума сошелъ.)
 Кн.-Тупицына. (Несчастный.)
 Б.-Өеклушковъ. (Провокаторъ!)
 Ц.-Городовой. (Шпіонъ...)
 Б.-Өеклушковъ. (Чекистъ!)
 Кн. Тупицына. (Онъ — призракъ.)
 Б-сса Голубкова. (Это — сонъ.)
 Бар. Голубковъ. (И это — нашъ блестящій губернаторъ!)
 Ц.-Городовой. (Аристократъ.)
 Кн. Тупицына. (Виверъ.)
 Б-сса Голубкова. (И это онъ!...)
 Радомиловичъ. Да, это я! Не бойтесь, джентльмены
 И лэди! Это — я. Не людоедъ,
 Не призракъ и не звѣрь, а неизмѣнный
 Членъ общества, помѣщикъ, правовѣдъ.
 Да, это — я, пріѣхавшій съ курьерскимъ,
 Въ международномъ спальномъ wagon-lit,
 Съ отвѣтственнымъ пакетомъ министерскимъ,
 Съ привѣтами вамъ родственной земли.
 Да, это — я, привезшій вамъ богатства
 Изъ вашихъ сейфовъ, я ихъ всѣ нашель.
 Да, я — посоль страны любви и братства —
 РСФСР истинный посоль!
 Кн. Тупицына. Ахъ, онъ привезъ мнѣ серьги въ сто каратовъ!
 Б-сса Голубкова. Мнѣ — діадему черныхъ жемчуговъ!
 Ц.-Городовой. Мнѣ скрипку Руджіери...
 Б.-Өеклушковъ. Мнѣ же — золото!
 Гималая. А мнѣ рецептъ слоеныхъ пироговъ.
 Кн. Тупицына. Какъ хороша совѣтская Россія!
 Б.-Өеклушковъ. И какъ грозна!
 Б-сса Голубкова. Не край, а прямо — рай!
 Кн. Тупицына. Большевики — орлята молодые.
 Ц.-Городовой. Какъ справедливы!
 Б-сса Голубкова. Русскіе! родные!
 Бар. Голубковъ. При нихъ страна переживаетъ май!
 Радомиловичъ. Я пошутилъ, друзья мои, простите, —
 Я бѣженецъ такой-же, какъ и вы.
 Кн. Тупицына. Такъ это сонъ — брилліантовыя нити?!.
 Б-сса Голубкова. Такъ это бредъ — уборъ для головы?!.

Б.-Өеклушковъ. За эти шутки разстрѣлять бы надо!
Гималая. Оставить безъ обѣда.
Ц.-Городовой. Вотъ такъ фунтъ!
Бар. Голубковъ. Онъ — нашъ, перемѣнилъ онъ только грунтъ.
Ха-ха!..
Кн. Тупицына. Хотите чашку шоколада?
Радомиловичъ. Не откажусь. Ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Всѣ. Ха-ха-ха-ха! Какая чепуха!

Блестящеглазка (входитъ и обращается къ княгинѣ).

Я извиняюсь, что безъ разрѣшенья,
Не будучи ни съ кѣмъ знакома, къ Вамъ
Врываюсь въ домъ. Простите мнѣ, madame,
Необходимо мнѣ безъ промедленья
Увидѣть Радомиловича.

Радомиловичъ. Я
Къ услугамъ Вашимъ. Что-же Вамъ угодно?
Кн. Тупицына. (Она ведетъ себя весьма свободно.)
Ц.-Городовой. (Какая невоспитанность!)
Б.-Өеклушковъ. (Свинья!)
Б.-сса Голубкова. (Что за костюмъ!)
Гималая. (Какая-то цыганка!)
Бар. Голубковъ. (Безвкусица полнѣйшая.)
Б.-сса Голубкова. (Лицо
Накрашено.)
Кн. Тупицына. (Вы видѣли кольцо?)
Гималая. (Фальшивое по-моему.)
Б.-Өеклушковъ. (Мѣщанка!)

Блестящеглазка (отходя съ *Радомиловичемъ* въ сторону).

Послушайте, зачѣмъ-же Вы ушли,
Со мною не простяся?
Радомиловичъ. Но Вы, вѣдь, спали,
И чтобъ Васъ не будить...

Блестящеглазка. ... Вы брошку взяли
 Мою, сознайтесь? Какъ-же Вы могли?

Радомиловичъ. Но тише, ради Бога! я отдамъ.

Блестящеглазка. Не стыдно-ль Вамъ?

Радомиловичъ. Прости, Блестящеглазка...
 Не говори такъ громко.
 (Вслухъ)
 Вотъ, mesdames,
 Какая изумительная сказка!
 Позвольте Вамъ представить: короля
 Наваррскаго прямѣйшая потомка —
 Принцесса Плимутрокъ.
 (Тихо)
 Но только громко

Не говори о брошкѣ, или я
 Съ террасы брошусь!

Кн. Тупицына. Очень мнѣ пріятно,
 Что посѣтили Вы нашъ скромный домъ.
 Мерсі за честь.

Б-сса Голубкова. Лицо ея! есть въ немъ
 Величественно-царственное.

Ц.-Городовой. Внятно
 Оно твердить о благородствѣ.

Б-сса Голубкова. Цвѣтъ
 Костюма поразительный!

Гималая. Браслетъ
 Неслыханной цѣны.

Б.-Феклушковъ. О, вѣроятно,
 Она богата.

Кн. Тупицына. Милости прошу.
 Вотъ шоколадъ. Вотъ кѣксъ. А вотъ пти-шу.

Блестящеглазка. Все это такъ. Но только лжетъ онъ, кротко
 Сказать: я не принцесса, а кокотка.
 А онъ — альфонсъ мой бывший, нынѣ воръ:
 Онъ у меня укралъ сегодня брошку.

Радомиловичъ. (Она меня убила! О, позоръ!)

Гималая (графу). Я говорилъ Вамъ: ѣсть она окрошку!

Занавѣсъ.

Вакханка изъ Кальяри.

Одноактный миньонетъ.

Станція Ливорно. Вагонъ, вдоль разрѣзанный.
Двери всѣхъ купэ раскрыты.

Носильщикъ. Пожалуйте за мною. Номеръ пять —
Вотъ Ваше мѣсто: въ третьемъ отдѣленьи.

Пассажиръ. Пустой вагонъ! Какое упоенье!
Что, поѣздъ долго будетъ здѣсь стоять?

Носильщикъ. Уходитъ въ три — согласно расписанья.
Благодарю Васъ, баринъ. Досвиданья.

Пассажиръ. Ну, Африка, прощай! твоя краса
Предъ итальянской кажется мнѣ гадкой.
Итакъ, покончивъ съ этой пересадкой,
Я буду дома черезъ два часа.
Любимая! Два мѣсяца разлуки!
Дай цѣловать изысканныя руки,
Дай говорить сердечныя слова!
Жена моя! желанная! какъ больно!
Душа къ тебѣ влечется богомольно.
Прости меня: я самъ вѣдь живъ едва...
Но развѣ виновать я, что со мною
Ты не могла отправиться въ турнэ?
Вѣдь по совѣту доктора Вернэ
Осталась дома ты полубольною.
Но какъ я могъ тебя оставить? Вотъ
Вопросъ, который надо оботвѣтить.
Пусть пѣнье — мой единственный доходъ, —
Марчелла — другъ единственный на свѣтѣ!
Но безъ дохода окружить нельзя
Любимую заботливымъ вниманьемъ,
И оттого я обреченъ скитаньямъ,
Съ эстрады на эстраду вѣкъ скользя,
Изображая нѣкую машину...

Кондукторъ. Пожалуйста, билетъ Вашъ. Номеръ шесть.
Сюда въ купэ прошу покорно сѣсть.

Пассажирка. Благодарю. Поставьте здѣсь корзину.
Вотъ такъ.

Пассажиръ. Вы мнѣ позволите курить?

Она. Но это отдѣленье для курящихъ.

Онъ. Я знаю: для курящихъ и... скорбящихъ.

Она. Я Васъ прошу яснѣе говорить.

Онъ. Сударыня, не спрашивайте: слишкомъ
Мнѣ тяжело.

Она. А мнѣ совсѣмъ легко,
И потому мы будемъ пить Клико
И предаваться всяческому излишкамъ...

Онъ. Кто это — мы?

Она. Конечно, я и Вы,
Маэстро Леджіарэ, первый теноръ.

Онъ. Но кто-же Вы?

Она. Для Вашей головы
Головоломка, для души — измѣна...
Откупорьте шампанское живѣй:
Я пить хочу струистыя иголки, —
Во мнѣ течетъ кровь истинной креолки,
Въ мозгу узорныя причуды фей...
Я Васъ люблю, маэстро Леджіарэ...
Ты будешь мой, а нѣтъ — такъ вотъ курарэ!

Онъ. Я буду Вашъ? Вы говорите, Вашъ,
Когда жена, быть можетъ, умираетъ,
Когда, когда...

Она. Уже въ немъ кровь играетъ...
Приди-жь ко мнѣ, мой милый, вѣрный пажъ.

Онъ. Вы — проститутка! Вы — исчадье грязи!
Вы — чудище! Оставьте этотъ тонъ.

Она. ... Смотри сквозь паутину панталонъ
На розы тѣла моего въ экстазѣ...
Смотри смѣлѣй, любуйся, не робѣй, —
Тебѣ отдамъ пылающее тѣло:
Я цѣлый годъ имѣть тебя хотѣла,
И наконецъ! О, жданный часъ, пробей!
Бери меня — иль ядъ приму я смѣло.
Что-жь медлишь ты? Приблизься — и владѣй!

- Онъ.* Но подожди, но выслушай, злодѣйка,
Ты хороша, нѣтъ словъ, но пощади, —
Я чувствую борьбу въ своей груди,
Я весь горю...
- Она.* Возьми меня: я — лейка, —
Вмигъ охлажу мучительный твой зной.
Я жду тебя. Вкуси восторгъ со мной.
- Онъ.* Я не могу. Не долженъ я. Оставь.
Моя жена больна.
- Она.* А я здорова,
И я хочу тебя. Я только — явь,
Она же — бредъ, терзающій сурово.
- Онъ.* Но я люблю ее.
- Она.* Люби, такъ что-жь?
Я не мѣшаю этому. Меня-же
Цѣлуй, ласкай, чтобъ послѣ бросить даже.
Что изъ того, что ты меня возьмешь?
Подумай хорошенько. Развѣ въ этомъ
Таится преступленье — быть предъ свѣтомъ
Свободнымъ отъ условностей и путь
Житейскихъ предразсудковъ? Двухъ минутъ
Достаточно для маленькой измѣны,
Дающей мнѣ такой большой восторгъ!
О, неужели-бъ ты меня отторгъ?
О, неужель? Спѣши: вѣдь, до Равенны
Осталось, знаешь, только полчаса.
Такъ сотворимъ изъ страсти чудеса!
Смотри, какъ ты страдаешь. Черезъ часъ
Войдешь къ женѣ больной, быть можетъ — мертвой.
Во мнѣ твоихъ грядущихъ силъ запасъ.
Пусть ты, мою страстью распростертый,
Найдешь во мнѣ источникъ новыхъ силъ,
А, въ случаѣ несчастья, — и забвенья... (Плачетъ).
- Онъ.* Какъ? я тебя объ этомъ не просилъ?!
Не понялъ? отвергаль? я оросилъ
Слезами взоръ твой, полный вдохновенья?
Прости, прости. Я буду твой, повѣрь,
Да, твой навѣкъ!
- Она.* Закрой плотнѣе дверь
И вѣкъ возьми обратно, — дай мгновенье...

З а н а в ѣ с ь.

Аэро-фарсъ.

Фарсъ въ 3-хъ картинахъ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Квартира супруговъ.

- Мужъ* (складывая телеграмму).
Я долженъ уѣхать дня на три въ Женеву:
Меня вызываетъ Коммерческій Банкъ...
Я долженъ оставить свою королеву.
- Жена.* Вели же откупорить тотчасъ май-транкъ:
Я выпить съ тобою хочу за успѣхи.
- Мужъ* (звонить. Появляется слуга).
Подайте любимый напитокъ жены,
- Жена.* А также конфеты, халву и орѣхи...
- Мужъ.* Подайте-же все, что подать Вы должны.
- Жена.* Когда-же твой поѣздъ уходитъ?
- Мужъ.* Въ три десять.
Въ Женевѣ я буду чрезъ сутки.
- Жена.* Итакъ,
Меня ты покинешь? Смотри, куралесить
Не вздумай въ Женевѣ.
- Мужъ.* Чудачка!
- Жена.* Чудакъ!
- Мужъ.* Прощай, дорогая!
- Жена.* Прощай, мой любимый!
- Мужъ.* Себя береги и такъ далѣе.
- Жена.* Брось
Банальности.
- Мужъ.* Ну, да хранятъ серафимы
Тебя.
(Теряетъ телеграмму и уходитъ.)

Жена. Лишь бы свидѣться вновь довелось!
(Поднимая телеграмму.)
Пріятныя новости! думала-ль это?
Такъ Вы одурачить хотѣли жену?
„Коммерческимъ Банкомъ“ зовется Джульетта!
Я Вамъ объявляю немедля войну!
Изъ Вашего праздника сдѣлаю будни,
Жестоко нарушу Вашъ дьявольскій планъ.
(Звонить и говорить лакею.)
Велите подать мнѣ къ пяти пополудни
Отъ Блеріо экстренный аэропланъ!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

На аэропланѣ.

Жена. Когда прилетимъ мы въ Женеву?
Пилотъ. Въ семь ровно:
Отсюда дотуда полетъ два часа.
Жена. Достаточно-ль правите Вы хладнокровно?
Пилотъ. Мнѣ можетъ мѣшать только Ваша краса.
Жена. Да развѣ, сознайтесь, ужъ такъ я красива?
Пилотъ. Вы просто прекрасны, сударыня.
Жена. Вотъ
Пріятный сюрпризъ! Я отвѣчу Вамъ живо:
Я рада, что Вы — образцовый пилотъ!
Пилотъ. Я тронуть, сударыня, Вашей хвалою...
Жена. Какъ тронута я комплиментомъ себѣ...
Скажите: высоко ли мы надъ землею?
Пилотъ. Двѣ тысячи футовъ всего лишьъ.
Жена. Въ волшбѣ
Полета совсѣмъ позабыла о цѣли
Поѣздки въ Женеву.
Пилотъ. Откройте мнѣ цѣль.
Жена. Я ѣду мстить мужу, чтобъ встрѣтить въ постели
Любовницы — тѣхъ, въ комъ не вызову хмель...
Пилотъ. Не лучше-ль взглянуть на того, въ комъ избытокъ
Любовныхъ желаній Вы въ силѣ зажечь?
Жена. Вы мнѣ предлагаете знойный напитокъ?..
Пилотъ. О, дайте скорѣ Васъ къ сердцу привлечь!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Кв а р т и р а Д ж у л ь е т т ы .

- Жена* (лежить въ постели Джульетты).
- Мужъ* (входя). Джульетта! Не сонъ-ли? я снова съ тобою!
Безумной любовью душа прожжена!
Вчера наконецъ-то разстался съ женою!
- Жена.* Но я не Джульетта: я — Ваша жена!
- Мужъ.* Жена?! не Джульетта?! я брежу! О, Боже!
Когда-жъ ухитрился я спрыгнуть съ ума?!
Все это на сказку, на чудо похоже!
Да, это — Грасильда, Грасильда сама!
Но какъ ты попала сюда? Лишь разъ въ сутки
Въ Женеву приходятъ отъ насъ поѣзда!
Что значать твои сумасшедшія шутки?
Но нѣтъ, я безумецъ! я боленъ! да! да!
- Жена.* Да, да! Ваше мѣсто — въ тюремномъ чуланѣ
Иль въ домѣ безумныхъ. Позоръ Вамъ и срамъ!
А я прилетѣла на аэропланѣ,
Съ пилотомъ въ пути измѣнила я Вамъ!..
- Мужъ.* Она измѣнила! А гдѣ-же Джульетта?
- Жена.* На аэропланѣ отправилась въ N.
Влюбилась въ пилота, не взвидѣла свѣта...
- Мужъ.* О, я помѣшаюсь отъ этихъ измѣнъ!
- Жена.* Но это не все. Онъ беретъ ее замужъ,
И проситъ Васъ быть посаженнымъ отцомъ.
- Мужъ* (смирясь).
Что-жъ дѣлать? Согласенъ. Я думаю самъ ужъ:
Пора перестать мнѣ быть... быть...
- Жена.* ...Подлецомъ!

З а н а в ѣ с ь .

Работа исполнена въ Мартѣ 1922 г.,
Eesti, Toila.

Владимиръ
Адамсъ - Александровскій

Милому и хорошему Борису Правдину

поэту

другу

человѣку

*Какъ ледъ на солнцѣ, сердцемъ таю,
Таю Вашъ ликъ — онъ стильно-строгъ.
О Васъ дразняще крикнуть въ стаю
Встаю я на ходули строкъ.*

*Къ чему въ любви признаньемъ медлить?
Вѣдь слѣдуетъ Вамъ, братъ мой, знать,
Что въ вѣкъ беззнатія мы — знать,
Что только намъ строфъ чистыхъ мѣдь лить!*

Вашъ Вл. А.

Измѣните смерть мою въ жизнь, мои кипарисы въ лавры и адъ мой въ небо. Осѣните меня безсмертіемъ, сотворите изъ меня поэта, одѣньте меня блескомъ, когда я буду пѣть о смерти, кипарисахъ и адѣ.

Джордано Бруно.

По тягостнымъ автоэстрадамъ

Съ тѣхъ поръ съ бисквитомъ звѣздъ бреду...

(„Изъ родословной“)

Я — кисть съ душою въ рукояткѣ...

(„Самоутвержденіе“)

Можетъ-быть всѣхъ людей я чудесный

Тѣмъ, что я никогда не начнусь...

(Изъ отроческаго автомазка)

Вл. Адамсъ-Александровскій.

Порядок пьес случайный.

Via sacra.

Я весь сталъ свѣтлый и строгій.
Богъ снова послалъ весну.
На тягостно-четкой дорогѣ
Уже не хочу я уснуть.
Искусство мнѣ снова дѣвица,
И снова я вѣрю въ повѣрья,
И снова больная Жарь-птица
Роняетъ раскатныя перья.
Озѣритъ въ мозгу тишина,
Лишь мысли столпились какъ дѣти...
А ночью — большая луна,
И въ лужахъ особенно свѣтитъ.

Безыскусственный.

Какъ хорошо въ нашъ вѣкъ культурныхъ эскимосовъ
Писать другъ другу стройные стихи!
Искусствомъ только можетъ жить философъ
Среди Всемирной Чепухи.

Вы видѣли, какъ тащить тусклыхъ будней тачку
Надменный одинокій арестантъ.
А видѣли-ли Вы крылатыхъ мыслей скачку
Въ мозгу, гдѣ кантикомъ становится самъ Кантъ?

Мы слишкомъ чуткіе, чтобъ жить безъ масокъ!
Фанатики невидимой весны,
Султаны строфъ и полководцы красокъ,
Мы міру ненужны!

Мальчишка.

(Лирель.)

Натыкано такъ много дырокъ
Въ фаянсѣ облачнаго неба!
Какъ уши улицъ оттопырены!
И садъ людской поливки требуетъ.

Упавъ на каменное брюхо,
Сварливый городъ спитъ, какъ Ной.
Лишь муравьемъ ползеть мнѣ въ ухо
Колоколовъ тягучій гной.

Изъ каменнаго вымя города
Мы капнули въ весенній лѣсъ . . .
Её поднять — и за пригорокъ
Служить древнѣйшую изъ мессъ!

Я сцѣловаль съ тебя сорочку:
Ползи, упругая змѣя!
Твоимъ губамъ задамъ я всклочку,
Сегодня будешь вся моя.

Вопьюсь, вольюсь въ испугъ прекрасный.
Какъ ширится твоя ноздря!
Не бойся: сокъ, что брызнулъ красный,
Это — вечерняя заря.

Изъ мяса выжать гамму стоновъ!
Еще! Сгрызу съ тебя соски!
Мы дрожь усталыхъ униссоновъ
Оледенимъ въ волнахъ рѣки.

Въ рѣку неистово мы впали,
Какъ два весеннихъ ручейка.
До неба брызги долетали!
Зарила надъ водой щека.

Не застегнуть рубашки воротъ!
Деревья замерли статуями!...
Когда мы возвращались въ городъ,
Кормилъ я вѣтры поцѣлуями...

Конкурсно
для „Раковъ на мели“.

Лирическое Ну.

А. И. Аванасьеву-Козлову.

Извивалась и играла, надувала губки.
Объщала... Послѣ бала... Какъ блестяли зубки!
Наливала изъ бокала алыхъ губъ улыбки
И рѣсницъ полуовалы были странно-зыбки...
Говорила о русалкахъ, о раскольническихъ свалкахъ,
И въ большихъ глазахъ дрожали золотыя рыбки.
А затѣмъ свой взоръ вперила
Въ вечеръ нѣжный, снѣжный,
Замолчала висло-хило,
Не ласкала, не ласкала,
Сразу стала
Безнадежна.
Говорила: ты вѣдь мой,
Ты -- холодный и иной — но ты мой,
Ты силенъ, а я слаба — но ты мой,
Я всегда твоя раба — и ты мой.
Я всегда не та, не та — но ты мой,
Ты мой!

.
.
.
.

Ты знаешь, я цвѣту тогда, когда орутъ огни,
И я люблю, и я хочу, и я должна цвѣсти.
А ты идешь, идешь, ведешь,
Гдѣ темнота горитъ.
И вмѣстѣ съ мѣсяцемъ ты ткешь
Такую рѣжущую нить...
Я не могу безъ фонарей, безъ электрическихъ огней,
И безъ вина, безъ скрипачей
Я не могу!
Ни маскарадовъ, ни угара, ни безопаснаго пожара
Въ твоёмъ магическомъ кругу.
А глубина всегда темна
Темна, страшна черна . . .
.
.
.
Возьми меня, зажги меня,
Цѣлуй, чтобъ было больно-больно!
Травь въ губы пчелки... цѣлый рой...
Жгутъ поцѣлуйныя иголки —
Ты никогда не будешь мой!

1920.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

Изъ цикла „Скорченныя орбиты“.

I.

Въ мозгу и въ комнатѣ хохочетъ беспорядокъ.
На столикѣ дневникъ и маленькій букетъ.
Онъ тягостно усталъ... Свѣтъ въ зеркалѣ такъ гадокъ,
А искры, искры въ мѣрѣ нѣтъ.

Весь вечеръ въ обществѣ дѣвицъ изнервно-звонкомъ
Онъ съ розою въ петлицѣ танцовалъ,
И до утра въ уайльдовскомъ утонкѣ
Надъ вымысломъ горѣлъ и хохоталъ.

А дома сжегъ тетрадку съ дѣтскими стихами...
Взялъ матери портретъ... Повѣсилъ вновь назадъ.
А послѣ, чуть сверкнувъ холодными глазами,
Онъ изумленно принялъ ядъ.

II.

Зовъ недоходный.

Какъ камни сухіе въ сухую погоду,
Такъ души людей
Все тѣ же:
Въ будуарчики Будду! Лушера въ пагоду!
Такъ какъ же въ нашъ вѣкъ красотѣ жить?
Я влѣзалъ изступленно на гладкія мачты,
Я взвивался пылинкой въ небесную высь,
И вѣтеръ мнѣ пѣлъ:
„Безтрубный трубачъ ты!“
Когда я спиралиль снѣжинкою внизъ.
А когда наступила агонія дня
И Богъ
Посмотрѣлъ, безопасно,
Я уснулъ —
А Онъ взялъ и **выкроилъ**
Изъ меня
Двѣ дюжины мелкихъ человѣчковъ.
И вотъ хожу
И кричу
Разорваннымъ ртомъ:
Спасите

Высыхающій колодець
Пѣсень!
Купите остатки поэта на сломъ,
Пока душу
Не задернула плѣсень!

Возстановлено
лѣтомъ 1921 г.

Leidale:

Умерла наша бѣлая встрѣча,
И погасли разбрызги ракетъ ;
Ты писала въ неласковый вечеръ :
„Ничего, ничего въ мѣрѣ нѣтъ.

Уже солнце не служить обѣдни,
И порывы не ткутъ менуэтъ,
Короля и принца наслѣднаго
И дворца изумруднаго нѣтъ !“

Гладкихъ тучъ носовые платки,
Какъ слезами, набухли свѣтомъ ...
Я такъ ясно увидѣлъ тиски,
Подтвердилъ: ничего въ мѣрѣ нѣту.

I. 22.

Знойно-голыя стройныя но́ги
Солнца лучами обхлѣстаны...
Покрыль поцѣлуевъ ожоги
Платочекъ твой пестренькій.
Свѣтитъ утро твоей бѣлизной.
Спи, ты устала...
Мнѣ жалко, что рваной душой
Любить могу мало.
Никогда твои злые соски
Мой сынокъ не сожметъ:
Я всклокоченъ на дыбѣ тоски,
Слышишь плети взлетѣть?
Нѣтъ, ты спи. Ничего не скажу.
Накормлю тебя звѣздными крошками.
Здѣсь тепло. Этотъ холодъ и жуть
За окошкомъ.
Тамъ текутъ, другъ за друга цѣпляясь,
Капли росъ по стеклу...
А въ углу,
Чуть-чуть улыбаясь,
Святой Приснодѣвы икона
Крестить смятыя панталоны.

Изъ цикла „Автострада“.

Все укради! Я съ путепереступья
Тебѣ, мой дальній, завѣщаю: зазвѣзди!
Тебѣ кричу издергомъ губъ я:
Ты укради!

Ты укради то, что чеканно *было* —
И что огнить болотно впереди,
Что твердо, какъ алмазь, что нѣжно и безкрыло,
Ты укради!

Ты укради и отъ весенней дѣвы,
Отъ дикаря порывнаго въ шерсти,
И отъ стиховъ хрустальнаго напѣва
Все укради!

Въ моей крови ведутъ извѣчный танецъ
Ярильный, свѣтвовзорный славянинъ,
Надменный шведъ, стремительный германецъ
И хмурый одинокій финнъ.

Сучье души ломать кто далъ вамъ столько власти,
О жадные, удѣльные князья?
Ахъ, предки сильные мнѣ душу рвутъ на части!
Въ ихъ хороводѣ такъ безсиленъ Я!

Тверды, какъ льдинки, заклинанья финна,
Но вѣтеръ братски гладитъ бороду.
Лишь финнъ и лѣсъ, съ мужчиною мужчина,
Упорно смотрятъ на полярную звѣзду!

Германецъ завтра мощно оживаетъ,
И скрещены мечи предъ окнами Kriemhild,
Копье спокойно Hagen поднимаетъ,
И укрощаетъ Siegfried гордую Brünhild.

Прыжокъ чрезъ горизонтъ — похитилъ я славянку,
Весь воздухъ криками истощными изрыть!
Татарскій ножъ — румяна для буланки!
Ахъ, лопнуть груди отъ тоски копытъ!...

... Я вѣдь живой! Вы — тѣни, вы же — мертвые!
Я каждый день кому-то измѣню...
Но — трепещу, рубцы завидя стертые:
Мой конь послушенъ вашему ремню!

Письмо.

„Я должна Тебя видѣть...“

Я предсказалъ Тебѣ похмѣлье
— Какъ сердце зябнуло тогда! ...
Теперь въ окошко строгой кельи
Швырнула вновь Ты невода.

Не вѣрю, что Ты видѣть хочешь
Поэта скорченныхъ орбитъ,
Себя капризомъ Ты щекочешь
Слегка погрызть злыхъ звѣздъ бисквитъ.

Но чужда радость мнѣ щекотки.
Вольноотпущенникъ небесъ,
Пронзенный пикою чахотки,
Беззвучу, какъ сосновый лѣсъ.

Я сталъ свѣтлѣе весь и строже,
Нездѣшнихъ вѣсенъ властелинъ;
Смотри, какъ странно непохожа
Моя рука на длань мужчинъ.

Дыханьемъ птичку не согрѣли,
И вникла въ сердце тишина...
Я холоднѣй иглистой ели,
И „жизнь“ мнѣ больше не нужна.

Пусть за окошкомъ строгой кельи
Замрутъ знакомые шаги,
Пусть новый хмѣль смѣнить похмѣлье,
Мой образъ въ памяти сожги!

Въ моей душѣ — ночныя тѣни,
И нечего мнѣ больше дать,
И эти гордыя колѣни
Мнѣ больше не предъ кѣмъ склонять!

Откровение.

Else — dem Profil Ihrer Seele.

Въ моемъ кристальномъ опьяненьи
Мнѣ радость счастья не нужна,
И Богоматерь въ зломъ бореньи,
Какъ дѣвочка, со мной дружна.
Весь бѣлый, дальній, неподвижный,
Ужасень мой холодный Богъ;
Его люблю и ненавижу
И быть хочу, какъ Онъ, я строгъ.
Мнѣ на единственной дорогѣ
Чужія тѣни не нужны:
Ахъ, счастье — это такъ немного,
Біеня жизни такъ блѣдны.
Свой путь чтобъ могъ, взываю къ Богу,
Непонятымъ я завершить:
Вѣдь понимать мою дорогу
Я не могу вамъ разрѣшить!

Мигослѣпокъ VI.

Хорошо, что красивыя сосны
Безуспѣшно къ небу тянутся;
Хорошо, что въ грядущія вѣсны
Мертвецы изъ гроба не встануть.
Хорошо на остывшемъ песку
— А песокъ то бѣлый, бѣлый, —
Тамъ, гдѣ рѣчки блики лоскутятся,
Видѣть оттискъ женскаго тѣла.
Только видѣть. И больше не надо.
Не вздыхать. Не любить. Не жалѣть.
Только лѣса таинственный ладанъ...
Только неба дырявая сѣть...
Хорошо бы мнѣ Слово узнать
И богомъ благимъ притвориться.
...Такъ знакома сегодня луна,
Что хочется ей поклониться.

Иванъ Бѣляевъ.

*Свѣтлой памяти
друга-отца
богослужу.*

Въ деревнѣ.

Здѣсь только оконъ слѣпыхъ нѣмые квадраты,
Да я съ душою моею изломной —
Жильцы избушки согбенной и темной —
Ютимся молча въ глухой ложбинѣ подъ скатомъ.

Здѣсь только я - - я одинъ съ душою, распятой
На свѣрлахъ тупыхъ тоски необъемной!...
А Богъ проклятый — тамъ, въ норѣ укромной,
Еще разъ руки умыль, подобно Пилату...

И только бѣльмомъ недвижно-огромнымъ
Поля на версты легли за склономъ горбатымъ,
Межъ мною, въ ссылкѣ томимомъ никчѣмной,

И тѣмъ, чѣмъ прежде жилось, чѣмъ прошлое свято...
И нѣтъ, какъ въ мертвой глуби водоёмной,
Мнѣ словъ отзывныхъ здѣсь, въ кругѣ моемъ залятомъ!...

Я укуталь ватой сердце свое дырявое.
Холодно какъ-то. Ежусь. Жизнь такая корявая.
Прошлое крадётся сзади тѣнью нелѣпо-тощей.
Вздрагиваю при одной мысли. Вообще всё нелѣпо:
умереть было бы проще.
Живу какой-то слезящейся раной, съ ободранной кожей.
Къ чему? Кому кажу болью? — Глупо какъ-то.
А жизнь наглѣть, высовываетъ языкъ и строить рожи,
И колыпаешься въ ея ухабахъ, такой растерянный, сбитый
съ такта...
Ухожу въ себя. — Схожу съ большой дороги и прячусь въ
кусты.
Малѣйшій вѣтерокъ треплетъ нервы. — Плотнѣе въ вату!
Вижу, какъ солнце стрижетъ золотыми ножницами цвѣты.
Равнодушно смотрю на путь, человѣчьимъ сапогомъ
изгрызенный и измятый...
И плюю на всё. Спокоенъ. Не завидую живущему собрату...

Прокаженнымъ перстомъ молитвенно борозжу лобъ.
— Невѣдомому богу ладанъ моего смрада. —
Подъ черепомъ удушенныхъ мыслей разверстыи гробъ.
Сердце — червивое копошенъе гнойныхъ гадовъ.
Вотъ они здѣсь, лежатъ всѣ рядомъ блѣдною грудой —
Мертвые трупики моихъ упованій!
— Что крадешься, старый Богъ, съ поцѣлуемъ Іуды?
Жалко скулишь: „Терпи — возмщу страданіе“?
Не для моихъ язвъ пластырь твоего Писанія —
Зову новую божью любовь и гнѣвы:
Чтобъ благостнымъ заступомъ взрыть мое страданіе,
Нуженъ новый Спасъ, новый ликъ Приснодѣвы!...
Прокаженнымъ перстомъ молитвенно борозжу лобъ.
— Невѣдомому богу ладанъ моего смрада. —
Новымъ словомъ воскреси трупики въ моемъ гробѣ!
Вздыми мѣртвыхъ изъ копошенія гнойнаго гадовъ!...

Павлиньимъ хвостомъ разметалась надо мною
звѣздная блевотина.

Вижу въ небѣ быка,
Колѣнопреклонённаго,
Вздыбивающаго ногами чѣрную пашню,
О чёмъ-то молитвенно вопящаго.
И я самъ — такой
Маленькій,
Обиженный,
Хочу тоже опуститься на руки
И тихо залаять
О вѣчности
Прямо въ пасть неба
Беззубую,
Чтобы знало меня,
Маленькаго,
Умѣющаго лаять.

Quasi-fantasmagoria.

— Этот маятник — что подь нимъ болтается . . .
Глобусъ земли, вселенной? . . .
— Этот маятникъ скачетъ
И бьётся въ глазахъ,
Какъ въ ногахъ
Мячъ
Футбольный . . .
И мѣдью тяжелой,
Словно полѣномъ
Убийца, кровью пьяный,
Раны
Мнѣ въ черепъ тупо вколачиваетъ . . .
Мозгъ просачиваетъ
Кость моя
Вздыбленная,
И изъ трещинъ
Пѣной красной
И космами
Сѣрой плазмы
Харкаетъ . . .
А сзади
Три пса —
Голодныхъ, шершавыхъ, облѣзлыхъ, —

Три пса безобразныхъ
Сзади
На слѣду моёмъ злобно скребутся и шаркають
И грязно-алую вату мозга
Слизываютъ
Жадно...
— А вы, поэтъ?...
Я пронзаю ваше сердце фіолетовой шпагой,
И изъ него брызжетъ кровь сиреневая,
Дрожа на аркѣ запаховъ пьяныхъ,
Какъ молодой цвѣтокъ:
Ею душать платокъ,
Шею,
Грудь пряную
И подъ мышками влажно-теплыми
Молодыя дѣвы...

Жуткій восторгъ вонзаетъ въ меня длинныя розовыя ногти
И ковыряется въ мякоти моей больно такъ :
Такая ты красивая !
Хочется встать на ципочки
И потянуться къ тебѣ
Всею жадностью молчаливой губъ,
Сложивъ въ трубочку ихъ,
Моляще,
По-дѣтски —

вотъ такъ.

Скажи — будешь моею ?
Или только такъ
Пройдешь мимо опять,
Случайно по пути опаливъ
Херувимскимъ лѣтомъ рѣсницъ ?
И снова одинъ,
Въ берлогѣ,
Я буду тревожно зализывать
Свѣтлую рану любви ? ...

Ex libro amoris.

Опять любовь? И вновь провалы въ ямѣ топкой,
И шагъ придавленный, глухой, на вязкихъ тропкахъ
Любви?...

Да, да, — я узнаю, опять она настигла,
И вновь лучить въ меня безжалостныя иглы
Любви...

И, саваномъ покрытый дымно-алымъ,
Въ безвольности блаженно-рабьей предаюсь я жалу
Любви...

Вонзайся же! — Зіяй зубастою пучиной!
Плети изъ крови и магнита паутину
Любви!...

Résignation I.

Вотъ именно такія-то мнѣ и нравятся —
Грудастыя,
Крѣпкомясыя,
Съ запахомъ здороваго пота!
Эта тяжесть тѣла,
Эта упругость рессорная!
Женщина —
Тебѣ мои пѣсни невыкричанныя!
Я — твой:
Ложусь рабомъ на полъ —
Дави глыбою плоти!...

Résignation II.

Бранью словъ, какъ кнутомъ, полосуешь.
— Вся въ пурпуръ гнѣва. —
Гляжу на тебя глазами умной лошади,
И въ предчувствіи шпоръ цѣпкихъ
Радостно
Мордой
Трусь
О твою господнюю руку.
Бей!
Хлещи жилистѣе!
— Самъ зацѣлю рубцы!...

Авонь.

Душа-то твоя — странница тощая, богомолка,
Исходила, исковыляла всѣ пути-дороги,
Измаялась обивать Божьихъ просторовъ пороги,
Пятки трепать-мозолить въ ухабищахъ по просѣлкамъ.
Прикурнула въ болотцѣ тѣмномъ, у кочки ржавой,
И тянетъ этакъ жалобно, шепеляво:
„Эхъ, устали мѣсить дороженьки
Корявые ноженьки!
Избродила горы и доли я,
Стала нищая, голая —
Куда гожая?
На себя-то непохожая...
— Охъ, — озябла я!...“
И дрожить, и кутается въ тѣльце дряблѣе,
И причитываетъ тоненько, по-старушечьи:
„Хлѣбца бѣ Христова краюшечку!...“
Въ болотцѣ тѣмномъ, у кочки ржавой —
Тянетъ жалобно такъ, шепеляво.
И тоскуетъ и голоситъ тонкимъ плачемъ,
Что не жить ей иначе.

М. Денисовой.

Такой маленькій человекъ —
— а какъ плакалъ!
— Оди́нь на площади. —
А сзади —
по-лоскутьему мерзко
Трепыхался кумачёвый языкъ улицы.
А кругомъ гримасы плыли
похабныя,
Бороздя площадь.
— И смѣхъ обнажилъ гнилые зубы. —
Тогда я подошелъ
и сказалъ тихо:
— Господа! Я требую серьезной тишины! —
Я сказалъ тихо.
И изъ оконъ всѣ мѣщанишки повывалились:
Изъ пузатыхъ домиковъ —
рыльцами въ камень.

Погладилъ васъ и усмѣхнулся криво,
Дохнувъ улыбкой въ гарь земныхъ былицъ,
И замеръ маятникъ неторопливый
Подъ циферблатомъ деревянныхъ лицъ.
И я сказалъ: „Вотъ такъ. Вотъ подойдите —
Я покормлю васъ ласково съ руки.
Я средствомъ отъ дешевенькихъ наитій
Вамъ освѣжу усталые виски.“
И, поблѣднѣвъ, вы люстры погасили
Надъ глянцемъ лакированныхъ плѣшинъ,
Но зеркала, смеркаясь, отразили
Убогость сѣрыхъ выцвѣтшихъ личинъ.

Б. В. Правдину.

Земными снами изнуренный,
Въ болотахъ вязну и пескахъ,
И день мой, осенью пронзенный,
Повисъ, безсильный, тамъ, въ кустахъ.
Стою, не въ силахъ двинуть ноги,
И тёмной жути пѣну пью,
А сверху смотритъ кто-то Строгий,
Неумолимый къ моему тряпью.
Я рубища отдамъ закатамъ,
А самъ одѣнусь тишиной,
И смерть прикроетъ блѣднымъ платомъ
Мой прахъ подъ чахлою сосной.

Погребеніе.

Я послѣ похоронъ души моей печальной
Такъ часто возвращался безъ стиховъ, нагой,
И снова шелъ беззвѣздною дорогой дальней,
Въ слѣпыхъ путяхъ судьбы затерянный изгой.

Безумецъ проклятый, съ отчаяньемъ и тупо
Карабкаюсь по кручамъ горъ и скользкихъ скалъ,
Я тамъ загадокъ каменные грызъ уступы,
Гдѣ хохоталъ въ лицо мнѣ пустоты оскаль.

И я усталъ брести, разбитый и увѣчный,
Путѣмъ, гдѣ плахой сталъ мнѣ каждый слѣдъ ноги,
И проклинать себя въ могильныхъ плитахъ встрѣчныхъ,
Гдѣ всѣ кресты такъ обнаженны, четки и строги!...

Борисъ Правдинъ.

Игорь Сѣверянинъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Игорь Сѣверянинъ
Нашъ тихій городъ посѣтилъ,
Грущу о немъ, раздумьемъ раненъ,
Какъ я давно ужъ не грустилъ.

И мнится: за ночь вьюгой снѣжной
Весенній городъ замело, —
Ты пѣлъ о счастья такъ элежно,
И объ элежномъ такъ свѣтло!

Я помню голосъ твой изломный,
Программы скомканный листокъ
И чей-то даръ весенне-скромный —
Блѣдно-сиреневый цвѣтокъ.

Весь обликъ сѣвернаго скальда,
Печаль улыбки, *petites manies*, —
Вы мнѣ напомнили Уайльда
Въ его трагическіе дни.

И ты, какъ онъ, — поэтъ бездомный
И конквистадоръ Красоты,
Познавшій горечь доли темной
И своенравіе Тщеты!

25. V. 1919.

II.

Какъ были холодны колонны,
Старинно-строгій бѣлый залъ,
Когда Вашъ голосъ тайно-стонный
То пламенѣлъ, то погасалъ!

Вы гнѣвно пѣли о Гоморрѣ,
Сплетали мирты Красотѣ,
И въ оверлѣненныхъ „Amores“
Молились Яви и Мечтѣ.

Но не внесли отъ сонной тины,
Не олазорили толпу —
Ни Ваши четкіе секстины,
Ни дѣвогимны *Visnapuu*.

И пусть мы слѣпы и убоги, —
Несите пѣдвигный Вашъ крестъ:
Быль „кубкомъ Гебы“ для немногихъ
Вашъ неожиданный пріѣздъ.

7. II. 1920.

Ella Ilbak.

Увѣнчанъ паѳосскими темными розами,
Забытыми розами давнихъ небесъ,
Змѣился Вашъ танецъ, цвѣтя граціозами,
Вставая камеей на фонъ завѣсь.

Какъ строфы Алкея, дышали Элладою
Извивы хитона и линіи плечъ,
И были въ тотъ вечеръ Вы нѣжной наядою
И вольной вакханкой, рожденною жечь.

Но сѣверной болью мечта затуманена...
Осеннія скрипки... Valse triste...
Васъ бросилъ въ темницу суровый Рахманиновъ,
Васъ думою ранилъ задумчивый Листъ.

Легко уноситься изъ душнаго плѣна Вамъ,
Все новые лики таитъ Красота:
Въ мелодіяхъ Брамса, въ прелюдѣ шопеновомъ
Вы снова — иная, Вы снова — не та.

И долго мы мчались на крыльяхъ Гармоніи,
Молились Мечтѣ при погасшихъ огняхъ,
А послѣ намъ снилась корона Эстоніи
На чьихъ-то небрежно-летучихъ кудряхъ.

24. IV. 1919.

Автору „Незримаго Гіацинта“.

Я подхожу все осторожнѣй
Къ свѣтло-незримому стеблю:
Вы въ немъ — блистательный возможникъ,
И я за это Васъ люблю.

Пусть въ облакахъ сегодня ребусъ
Съ разгадкой гадкой: марабу,
И оттопыриваетъ небо
Свою капризную губу, —

Ростутъ, родные неньюфарамъ,
Въ болотѣ буденной трухи,
И рвутся къ небу, какъ фанфара,
Молніеносные стихи:

По тягостнымъ автоэстрадамъ
Съ тѣхъ поръ съ бисквитомъ звѣздъ бреду,
Съ тѣхъ поръ божить Владимиръ Адамсъ
Въ огеніаленномъ бреду.

1922.

Стэлла Арбенина.

Есть въ профилѣ Арбениной камейность,
Въ изгибѣ голоса волнующій нюансъ, —
Пусть чарный взоръ ея и плечъ лилейность
Насъ долго въ грёзный погружаютъ трансъ!

Ахъ, пусть еще не разъ во мглѣ партера
Игрой изящницы душа опьянена!
Будь то Нана, Марикка или Вѣра,
Иль Трильби О'Ферраль, — она во всѣхъ она:

Надменница, изыскная, какъ вѣнка,
(О, какъ ея бровей капризенъ взлетъ!)
Смѣется взрывно, какъ демимондэнка,
Какъ герцогиня, руку подаетъ.

1920.

Вѣра Бертингъ.

Е. К. Бергманъ.

Нѣмой Пьерро, одѣтый снѣжно,
Съ лунно-напудреннымъ лицомъ,
Вы мандолинили небрежно
Предъ коломбининымъ крыльцомъ.

И романтическія струны
Чуть слышно ткали серебро:
Вы — только сонъ, Вы — призракъ лунный,
Вы — горько плачуцій Пьерро.

Но въ пляскѣ бурной, молодецкой
Намъ такъ нежданно сверкнулъ
Пьянящей шири половецкой
Всепокоряющій разгулъ.

И кто былъ нѣгою не ранень,
Когда въ партеровую мглу
Метнулъ побѣдно половчанинъ
Свою крылатую стрѣлу?

5. XII. 1919.

Г. П.-Р.
(Интуитта.)

Le piano que baise une main frêle . . .
P. Verlaine.

Chopin и Вы — одно и то же,
Въ Васъ та же лунность, та же боль,
Но Онъ — возвышеннѣй и строже:
Вы — королева, Онъ — король.

И тотъ же призракъ рѣетъ въ залѣ,
Когда, прозрачна и легка,
Цѣлуетъ клавиши рояля
Мимозно-нѣжная рука.

.

Вы вся — томительный и странный,
Верленомъ созданный романсъ,
Въ Васъ слиты страстность польской панны
И утонченность Ile de France.

1919.

Бенъ-Али.

Въ пестро горланящей хламидѣ
Царить, наглѣя, властелинъ,
Какъ шиллеровскій „Духовидецъ“,
Венеціанскій армянинъ.

Ужъ медіумъ уснулъ на стулѣ,
Надрывно дрыгаетъ нога:
Его астраль то бродитъ въ Тулѣ,
То видитъ Сены берега.

Почтительно погасли писки,
Наструнился глумливый Witz,
И знойно тянутся записки
Неврастеническихъ дѣвицъ:

Намъ, алчущимъ, дай обновиться,
Небеснымъ нимбомъ опали,
О, выходецъ изъ „Духовидца“,
О, небоскребный Бенъ-Али!

„Въ немъ что-то есть,“ — сказалъ философъ,
„Въ немъ что-то есть,“ — сказалъ поэтъ.
О какъ блаженно стоеросовъ
Ошарлатаненный имъ свѣтъ!

1922.

Д. Н. З.

Въ тоскливой сутолокѣ Tartu
Мнѣ такъ отрадно видѣть Васъ —
За то, что нѣтъ въ Васъ ни азарта,
Ни фарисейства, ни гримась.

Вашъ разговоръ и простъ и колокъ,
Подводитъ сущему балансь,
Вы — математикъ и филологъ,
Вы — мыслитель par excellence.

Съ улыбкой истаго вселенца,
Въ ретортѣ своего ума
Смѣшали плутни „конференцій“
Вы съ теоремою Ферма.

Васъ увлекають анекдоты
И достиженія всѣхъ странъ,
Астрономическіе взлеты,
Безсмертный пушкинскій „Русланъ“.

И даже въ сборѣ нѣкихъ „знаковъ“
Вамъ суждена благая роль:
Вы — Тамерланъ, но безъ баскаковъ,
Безъ территоріи король.

Я Васъ воспѣлъ не безъ причины,
Не безъ причины я Вамъ радъ:
Вѣдь, если Юрьевъ нашъ — Аѳины,
Вы — ихъ непризнанный Сократъ.

1922.

Пэрка.

Не той.

Мнѣ нравится бурная Пэрка
Своей карнавальной душой:
Она, несомнѣнно, — грезэрка,
И я — не совсѣмъ ей чужой.

Мнѣ родственна эта порывность,
Восторженно-вихревой тонъ,
И пламенная агрессивность,
И этотъ уклонъ подъ уклонъ.

Рыдающіе фейерверки
Утонченно-четкихъ стиховъ —
Ничто передъ взвизгами Пэрки,
Вакханки эстійскихъ лѣсовъ.

И если наивны эксцессы
На фонѣ витринъ и кино,
Винить ли порывъ сатирессы
За плещущее въ немъ вино?

Нужна здѣсь особая мѣрка,
Подходъ небанальной межой.
Да здравствуетъ бурная Пэрка
Съ ея карнавальной душой!

1920.

З. А.

(Двойной.)

Я падалъ такъ часто въ провалы,
Въ бездонные срывы Грѣха, —
И вотъ мнѣ постыли ужалы
И змѣйные ковы Грѣха.

Тебѣ, о тебѣ, Алогубка,
О Ингридъ, фіалка мечты,
Кипѣнье послѣдняго кубка —
Послѣдней моей чистоты.

Сорви паутину кошмара,
Что жизнью зовется! Цѣлуй!
Я — Демонъ и мнѣ ты — Тамара,
И благостень Твой поцѣлуй.

О насъ на фанфарѣ столѣтій
Пропѣлъ ясновидецъ — поэтъ,
И въ лунномъ фіалковомъ свѣтѣ,
Я знаю, не скажешь ты: нѣтъ.

Такъ сбудется греза поэта,
Я буду, ты будешь: Любовь.
Взойдетъ океанами свѣта
Моя заревая Любовь!

1921.

В. М.

Уйдемте въ вѣкъ duchesse de La Vallière,
Въ вѣкъ Буало, Мольера и пастушекъ,
Торжественно-изысканныхъ манеръ,
Надменныхъ буклей и жеманныхъ мушекъ.

Надѣньте платье style Louis Quatorze —
Оттѣнка розоватаго опала,
И пейте ледяной зеленый морсъ
Изъ узкаго граненаго бокала.

Пусть скрипачи играютъ менуэтъ
Въ таинственномъ незримомъ павильонѣ,
И плоскій мадригалъ въ минорномъ тонѣ
Пусть Вамъ прочтетъ напудренный поэтъ.

Какъ жалокъ онъ ! Какъ взоръ его померкъ !
Какъ Вы жестоки ! . . . И во мракѣ сада
Дождемъ рубиновъ пышный фейерверкъ
Вамъ возвѣститъ начало маскарада.

Кодакозы имажиниста.

I.

Вертявые звѣзды, вѣроятно, думаютъ,
Что я отъ Васъ откусываю — за кусочкомъ кусочекъ, —
Иныя смотрятъ недоброжелательно и угрюмо,
И кажется: вотъ-вотъ какая-нибудь соскочить.

И подойдетъ, охваченная безупречнымъ смокингомъ,
Непроизвольно прищуриваясь въ перламутровую лорнетку.
Пойметъ происходящее и пробормочетъ: „Shoking“ —
И, покраснѣвъ, ампутируетъ подвернувшуюся вѣтку.

И побредетъ на небо, глупѣе Канта,
Отъ смущенія спотыкаясь на заоблачной лѣстницѣ...
А на завтра созвѣздія расположатся транспарантомъ:

**Строго воспрещается
быть влюбленнымъ
въ публичномъ мѣстѣ.**

II.

Я открылъ безсистемный обстрѣлъ Вашего лица
Сумасшедшими гранатами моихъ взрывчатыхъ губъ.
Вы — нѣжная струйка расплавленнаго свинца,
А мое сердце — жадный парафиновый кубокъ.

Раскаленный напитокъ протопилъ сердце-рюмку,
Вы нечаянно прогрызли въ груди моей норѹ.
Въ мой мозгъ, какъ въ изящную крокодиловую сумочку,
Вы спрятали ассигнаціи Вашихъ губъ и рукъ.

Мысли мои прошпигованы исключительно Вами,
Какъ жареные вальдшнепы копченымъ саломъ.
Лукавыми взорами и затушеванными словами
Вы меня проткнули, словно тоненькимъ жаломъ.

Я — жукъ на булавахъ Вашихъ милыхъ пальцевъ,
Одурманенный хлороформомъ темнорозовыхъ губъ ;
Карточный домикъ, который вотъ-вотъ развалится ;
Кусокъ льду, заброшенный въ перегонный кубъ.

Въ груди давно отсырѣли колёса маленькихъ часиковъ,
Потому что на нихъ попали Вашей улыбки духи.
Заштопайте же мнѣ сердце зелеными нитками ласки,
А то оттуда забрызжутъ фонтаны гнилой трухи.

III.

Ив. Бъляеву.

„Fantaisie écossaise“ геніального Бруха
Сбрызгивается нервно съ блудливаго смычка,
И жужжить и ползаетъ, словно сонная муха
По вчерашнимъ тартинкамъ дешеваго кабачка.

Простите, неужели вамъ это нравится?
Знаете, вашъ вкусъ не годится ни къ черту...
Удивляюсь, какъ это вентиляторъ не подавится
Этой рвотою звуковъ, канифолью растёртой?

Изъ-подъ нервовъ смычка срывается рвота
И сверкаетъ изломами въ шестигранныхъ подвѣскахъ,
Трепещетъ въ судорогахъ деревянный животь,
Лакированная шея звонко поблескиваетъ.

Иризирующіе взвизги истерической скрипки
Иннервируютъ иглами идиллическій свистъ.
Неужели вамъ нравятся эти колкіе шипики,
Звуки, жмушіе нервы, какъ педали циклисть?

Посмотрите кругомъ — сколько мяса передъ вами:
Гарнированныхъ галстуками элегантныхъ котлетъ!
Такъ не надо, поймите же, не сосите ушами, —
Вкусно-теплою кожей, — вонючій экскретъ!

IV.

Ваши губы пропитаны энергичнѣйшими наркотиками,
Я отъ нихъ — ко всему, кромѣ Васъ, анэстетичень,
Я хотѣлъ бы глотками, жадными и короткими,
Выпить всю Васъ, всю, — и стать экспансивно-взвинченнымъ.

Ваши губы инъецируютъ миллиарды бактерій,
Отъ которыхъ живѣютъ и торопятся мысли,
И набаты громовыхъ пятиактныхъ мистерій
Бомбардируютъ нервы, что отъ сонности скисли.

Ваши губы накачиваютъ мое заѣзженное сердце,
Словно старую шину мотоциклета Венеры,
И оно распрямляется и восторженно вертится,
И игриво сверкаютъ въ немъ спицами нервы.

Ваши губы намаринованы приворотными зельями,
Ваши губы заманчивѣй драгоцѣнныхъ камней:
Я бы вправиль ихъ въ платину и носиль бы, какъ ожерелье...
Дорогая, хорошая... подарите ихъ мнѣ!...

Бѣлые: Кр. g1, Ф. c4, Сл. a3, Сл. b1, К. e7, пѣшки a2, b2, f2, g2, h2, h6.
Черные: Кр. h8, Ф. a8, Л. d8, Сл. a5, К. a1, К. a6, пѣшки h4, b5, g5, b6, a7.

Бѣл. b2 — b4.

Чер. Л. d8—d1+. Сардонически гроыхаетъ бронированная громада;
Пурпуровые перекаты кувыркаются въ ухахъ.
Зловѣщая сирена предупредительно рада
Обманчиво-спокойно проревѣть: „шахъ“.

Король лѣниво пѣшкѣ ближней
Велѣлъ заткнуть желѣзный зѣвъ,
Но пѣшки были неподвижны,
Отъ ужаса оцѣпенѣвъ.
Его защитники тоскливо
Молили дерзкую туру,
А онъ, холодный и брезгливый,
Зѣвнулъ и вымолвилъ: „умру“...

„Ваше лакированное Величество, Вы никого не любите,

Бѣл. Ф. c4—f1.

А я вся — Ваша, до некрашеной сердцевины, —
Точеною грудью и куполами палевыхъ юбокъ
Я заслону Васъ отъ ядеръ неумолимой машины.“
Бронированная туша коверкаетъ нѣжное тѣло,
Въ свѣтло-розовую кашу растерты тюльпаны
грудей —

Чер. Л. d1 : f1 +

Лакированная талія бравурный аккордъ
прохрустѣла
И, какъ взрѣзанный ростбифъ, душисто дымится
и рдѣеть.

Бъл. Кр. g1:f1

Пьянѣя, черные бурливо
Рвались въ проклятую игру.
А онъ, холодный и брезгливый,
Столкнулъ бездушную туру.
Онъ взоромъ скуки и насмѣшки
Лохмотья мускуловъ обвелъ
И приказалъ сосѣдней пѣшкѣ
Немедленно почистить полъ.
И борода лакейской швабры
Смываетъ царственную кровь...
Гирлянды храбрыхъ,
Въ битву вновь!

На стр. 62, въ стихотвореніи „Résignation II“, пропушена третья строка
„Люблю гнѣвъ дѣвій.“

